

**РУССКАЯ КЛАССИКА В СУДЬБАХ ЛИТЕРАТУР
НАРОДОВ СССР
(Дооктябрьский период)**

В наше время отчетливее, чем прежде, видна благотворная роль русской литературной классики в больших исторических процессах — в созидании цивилизации исторически нового типа. Деятельное участие русской классической литературы в преобразовании общественного сознания народов нашей страны, воспитании их нового мировоззрения — факт общепризнанный, но, к сожалению, малоисследованный.

Русская классика оказывала серьезное влияние на социальную, историческую и философскую мысль народов страны. Она принимала деятельное участие в ломке отживших представлений, в пробуждении угнетенных масс к сознательному историческому творчеству. Взаимодействие с русской литературой, с ее гуманистическими идеалами невероятно ускорило формирование новой нравственно-политической культуры всех народов нашей страны. Русская классика, становясь важной частью самосознания народа, духовно обогащала человека, воздействовала на умы и совесть людей, перестраивала мышление и психологию масс, вооружала их новым пониманием действительности.

Общение с русской классической литературой — закономерность общероссийского литературного процесса¹.

Под влиянием идей и образов русской классики в толщах народных масс многонациональной России росло чувство сопричастности к общей борьбе за счастливую долю, укреплялись чувства интернациональной солидарности, симпатии и взаимопонимания. Взаимодействие с русской классикой усиливало, в свою очередь, «обратное» воздействие национальных литератур на историю, ускоряло самый ход общественного развития. Без освоения духовных богатств русской классики невозможно было приобщение народов многонациональной России к философии социального действия, к научному социализму. Невозможно было само превращение патриархальных народов из объектов в субъекты истории.

Отношения взаимной дополняемости между культурами народов страны отчетливо просматриваются уже на первом этапе освободительного движения. Характерная особенность общественной жизни России XVIII—

¹ Россия и до XVIII в. не была конгломератом чужеродных культур, а представляла собою, по удачному определению Д. С. Лихачева, *сообщество* народов и взаимно дополняющих друг друга культур. (Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 21). Это обстоятельство подчеркивал в своих трудах Л. В. Черепнин, отмечавший, что уже Киевская Русь была многоэтнической державой с преобладающим славянским ядром. См. также: Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

первой половины XIX в. — неравномерность экономического, социально-политического и духовного развития народов. Страна представляла собою совокупность обществ, находившихся на разных стадиях общественной эволюции. Главенствующий способ производства — капиталистический — объединял различные уклады. На литературном процессе XVIII—XIX вв. сказалась неоднородность характера общественной эволюции народов, их культурно-идеологической среды. В общероссийский литературный процесс взаимодействия вступали разновременные, а по сути, разностадиальные литературы.

Переход от феодализма к капитализму потребовал глубокого преобразования общественного сознания и культуры народов, прежде всего коренного изменения социального, политического и нравственного мировосприятия масс. Идейный переворот, связанный с перестройкой массового сознания, большинство народов европейской части страны переживало в исторических условиях первой половины XIX в. Задача воспитания деятельной, идейной, социально активной личности, осуществления массового мировоззренческого сдвига — иными словами, создания антифеодальной демократической идеологии, отвечающей требованиям новой эпохи и широких закрепощенных слоев населения, вставала в масштабах, каких не знала мировая история.

Взаимодействие национальных литератур с русской классикой носило универсальный характер. Оно осуществлялось по многим направлениям. Главными были два направления.

Во-первых, русская литература наряду с естествознанием и общественными науками помогала народам России строить новую общетеоретическую концепцию мира и человека в нем. Во-вторых, народы России овладевали через посредство русской литературы общественно-историческим опытом человечества. Произведения русских писателей, насыщенные глубокой нравственной проблематикой, открывали доступ к достижениям мировой общественной мысли. Сходную роль играла философско-историческая проблематика русской литературы — будь то социальная теория российского Просвещения XVIII в. или философия революционного демократизма, ее идейный арсенал служил прочной опорой, с помощью которой национальные литературы, перерабатывая идеи религиозного протesta масс в социальную теорию, сами поднимались на уровень современной художественно-философской мысли. Встреча с литературой великого братского народа, подготовленная веками предшествующего историко-культурного взаимодействия, несла в себе прочный положительный заряд, была для народов всей России жизненной необходимостью, выполняя отчасти не успевшие сложиться у народов России общественные функции естественнонаучного и социального мировоззрения.

На фоне бесчисленных фактов, связанных с формированием общественно-исторических и культурно-идеологических предпосылок общероссийского литературного движения, возникающего на волне народных движений XVII—XVIII вв. и освободительной борьбы первой половины XIX в., следует особо выделить по своей культурной значимости взаимодействие национальных литератур с российским Просвещением.

Именно российское Просвещение, его социальная философия и созданная им общефилософская картина мира, необычайно ускорило переход

народов европейской части страны от средневекового мировоззрения к новой нравственно-политической культуре с ее идеалом гражданской личности. Народы России, прежде всего Украины и Белоруссии, преодолевали устои феодализма, осваивали опыт западноевропейского Просвещения, идейные атрибуты ранних буржуазных революций XVII—XVIII вв. в особых исторических условиях, одновременно с Великороссией, а главное, опираясь на идейные достижения российского Просвещения, провозгласившего главной целью общественного прогресса достижение «всенародной пользы».

Мощным фактором, ускорившим переход народов многонациональной России к новой духовной культуре, были естественнонаучные концепции русской литературы. Достижения российской науки, быстро сложившейся в многоотраслевой комплекс благодаря открытиям М. Ломоносова, Л. Эйлера, Д. Бернулли, фундаментальные идеи механики Галилея — Ньютона, рационалистической философии Р. Декарта и Б. Спинозы, идеи английских и французских материалистов — все это теоретическое наследие могучим потоком вливалось в общественное сознание народов России через посредство поэзии Ломоносова и лирики Державина, в корне меняя природоведческие представления украинских, белорусских, прибалтийских литераторов и общественных деятелей.

Выход российского просветительства на рубежи всеобщего разоблачения феодализма, его страстный протест против самовластия, защита крестьян и самобытных начал русской культуры, его национальная самокритика, раскрывающая античеловеческую суть крепостничества и абсолютистского государства (А. Н. Радищев), сделали героем русской литературы XVIII в. неудовлетворенную феодальным миром, критически мыслящую личность. Преобразования Петра, американская и Великая французская революции, крестьянские восстания в России XVII—XVIII вв. поставили социальную философию русских просветителей перед новыми проблемами. С появлением трудов В. Н. Татищева, проанализировавшего в 1739 г. «Судебник» Ивана Грозного, историко-социальная мысль российских просветителей провозгласила своей целью освобождение закрепощенного русского народа². Естественнонаучные взгляды М. Ломоносова, Л. Эйлера, Д. Бернулли, основанные на мировоззренческой культуре философского материализма, антифеодальные идеи русских мыслителей В. Н. Татищева, Я. П. Козельского («Философические предложения», 1768), С. Е. Десницкого («Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности...», 1781), украинского философа Гр. Сковороды, Д. С. Аничкова («Рассуждения из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», 1769), доказавшие историческую и юридическую незаконность крепостного права, обогатили социальную философию мирового Просвещения.

Выдающийся вклад в политическую идеологию и нравственную культуру эпохи Просвещения внесла русская литература. Антифеодальная сатира Н. И. Новикова («Отрывок путешествия в ***И *** Т***») и

² Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. Л., 1981. С. 4.

«Письма к Фалалею»), комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль», оды-сатиры Г. Р. Державина, сатира («Почта духов», «Каib») и пьесы И. А. Крылова, произведения Н. М. Карамзина и А. Н. Радищева остро обнажали социальные коллизии русской действительности, выражали гневное и грозное слово протesta народных масс. Они нанесли сильный удар идеологии абсолютизма, позиции которой были еще сильны в России и Европе. Данная в этих произведениях критика крепостничества и самодержавия подняла художественно-философскую мысль народов России на идеальные рубежи всеобщего разоблачения устоев феодализма и его духовной культуры. Сложившийся в России союз научно-материалистической и художественной мысли с большой силой заявил о себе в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Мощным идеологическим звеном мировоззренческой системы русских просветителей были труды по истории³. Сочинения Ломоносова — «Показание российской древности», «Краткий российский летописец», «Древняя российская история», — В. Н. Татищева — «История Российской с самых древнейших времен» — ставили вопрос о роли России в мировой истории.

Отечественная война 1812 г., в ходе которой гегемония и историческая инициатива перешла к «низам», ускорила наметившиеся в русской общественной мысли тенденции соединения идеалов крестьянской революции с идеологией русского Просвещения. Именно эту задачу решали экономические, юридические и исторические сочинения декабристов П. Пестеля, Н. Муравьева, М. Фонвизина, философские сочинения Н. Крюкова, А. Барятинского, политические трактаты В. Раевского, подводившие общественную мысль к революционным и утопически-социалистическим выводам⁴.

Украинские и белорусские просветители широко использовали историко-философский опыт российского Просвещения. Русская литература открыла перед общественным сознанием народов России возможность поэтапного овладения научно-философской проблематикой эпохи Просвещения.

Антифеодальная идеология, корни которой в Белоруссии и на Украине восходили к народно-освободительным движениям XVI—XVII вв., развивалась в широком взаимодействии с народной сатирой, песенной лирикой, пародийно-сатирической литературой. Народная смеховая культура была важным средством разрушения основ феодального сознания. Белорусская литература XVII—начала XVIII в., продолжая традиции Фр. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, М. Смотрицкого, обличала пороки феодалов и духовенства («Речь Мелешки», «Письмо к Обуховичу»)⁵. Безбоязненное разоблачение крепостнического общества, свойственное белорусским просветителям К. Нарбуту, А. Довгирду, М. Почобут-Одляницкому, рождалось, во-первых, в формах, понятных сознанию демократических масс; во-вторых, под влиянием идеалов французских, польских, русских просветителей. Поэтическое сознание молодой белорусской

³ Проблемы историзма в русской литературе. Л., 1981. С. 47.

⁴ Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения. М., 1971.

⁵ История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977. Мальдис А. И. На перекрестке славянских традиций: Литература Белоруссии переходного периода (вторая половина XVII—XVIII в.) Минск, 1980 (на белорус. яз.).

нации складывалось в атмосфере активного взаимодействия как обще-российского революционного движения, так и национально-освободительных устремлений польского народа.

Те же линии взаимодействия с русской литературой, помогавшие переплавлять традиции народной поэзии и полемической литературы украинского барокко в антифеодальную идеологию, религиозное свободомыслие — в свободомыслие философское, наблюдаем в произведениях украинских мыслителей Г. Сковороды, И. Котляревского, П. Гулак-Артемовского, Г. Квитки-Основьяненко, Е. Гребенки. Широкое обращение русской, украинской и белорусской литератур к народному поэтическому творчеству (народные анекдоты, сатирические сказки о помещиках и путах-подъячих) способствовало решению теоретических проблем общеевропейского значения — соединения идеалов крестьянской революции с научно-философской проблематикой Просвещения⁶.

Ярчайшим выражением идеалов русской общественно-политической и философской мысли 1820-х годов была поэзия Пушкина. Вобравшая в себя интеллектуальные ценности XVIII в., политическая лирика Пушкина (ода «Вольность») формировала новую традицию русского народного свободомыслия⁷. Стихотворения «К Чаадаеву», «Деревня» (1819) и др. соединяли нравственно-политические идеи ранних этапов освободительного движения с темой природы, крепостной деревни. Гражданские стихи Пушкина, В. Кюхельбекера, А. Бестужева, пропагандируя принципы свободы и «самодержавия народа», отрицали систему условных ценностей дворянско-буржуазной культуры, создавали образ деятельной личности, общественно активного человека, гражданина и патриота.

Агитационно-политические стихотворения Пушкина — «Дочери Карагеоргия», «Война» («Война, подъяты наконец...»), «Послание» В. А. Да-видову, «Узник» и др. — формировали мироощущение передовой личности, мир ее возвышенных идеалов. Герои Пушкина — реальные исторические лица, современники, граждане, непосредственно принимавшие участие в битвах за свободу родины. Это Карагеоргий, Брут из стихотворения «Кинжал», Чаадаев, генерал Пуцин («Генералу Пущину»), герой стихотворения «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем», «Гречанке». Лирика Пушкина приобщала народы России к урокам Великой французской революции («Андрей Шенье»), крестьянских войн в России и освободительных движений Западной и Юго-Восточной Европы, изменяла масштаб оценки человека и понимания истории. В исторический процесс внедрялся новый тип активного человека, политического деятеля и гражданина.

Важный источник освоения социальных идеалов русских просветителей XVIII—начала XIX в. — басни Крылова. В них было подмеченное самим Пушкиным и впоследствии теоретически осмысленное В. Г. Белинским («Басни Ивана Крылова»)⁸ качество народности. Русская сатира

⁶ См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М.; Л., 1955. Т. 1—2; Восстание декабристов. М., 1959. Т. 7: Декабристы и русская культура.

⁷ См.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин, Л., 1982. С. 43; Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М., 1982. С. 29—31.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 150—151. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 31, 32.

XVIII в., басенное творчество Сковороды, «Энеида» Котляревского и, наконец, пушкинская «Гавриилиада», равно как и его «Сказки» 30-х годов, художественно претворяли просветительские идеи и нравственный опыт трудового народа⁹, служили для общественной мысли народов России неиссякаемым источником материалистических идей и деятельной любви к народу.

«Южные» поэмы Пушкина — их новый герой — разочарованный, тоскующий по «иной жизни» Пленник («Кавказский пленник»), жаждущий счастья и не нашедший примесения своим незаурядным силам Алеко («Цыганы»), данная в этих произведениях острая критика индивидуализма — выдвигали на первый план идейной жизни страны проблему активно преобразующего жизнь сознания¹⁰.

Активность, жажда полноты бытия, стойкость гражданских, нравственных, политических убеждений, интеллектуализм, бескомпромиссная критика моральных ценностей дворянско-буржуазной цивилизации — эти и другие отличительные черты характера героя русской литературы (Чацкий, Онегин, Татьяна) внедряли в исторический процесс многонациональной России тип человека с новыми социальными и психологическими качествами. Они воспитывали личность деятельную, духовную, живущую по внутреннему закону совести, личность, в чьем сознании присутствует установка преданности общественным интересам. Этот процесс общения с русской литературой был одновременно актом народного самосознания, самопознания, уяснения коренных свойств своего национального характера, его обогащения. Щедрая самоотдача, искренность и симпатия к другому народу, образованность, скромность, глубина проникновения в жизнь и душу иной национальности, человеческая отзывчивость,ственные герою лирики Пушкина, рождали ответный отклик в сердце передовой национальной интеллигенции, доверие к революционной мысли русского народа.

Поэмы Пушкина, составившие, по определению Д. Д. Благого, «целый период в духовной жизни русского общества»¹¹, выявили ограниченность просветительской «социологии страстей». В мире пушкинских образов потерпела крушение умозрительная идея неизбежного торжества «просвещенного разума»¹². Поэзия Пушкина, заключавшая в себе действительное знание русской жизни, была подлинной школой воспитания общественно активной личности.

Следующий этап слияния социальной философии с духовно-нравственными идеалами русской литературы — поэзия Лермонтова. Поэзия Лермонтова, как бы вырастающая из коллизий русского романтизма 1820-х годов, из «южных» поэм Пушкина, была первой попыткой соединить революционные идеи (опыт французского и русского Просвещения)

⁹ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 365; Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М., 1982. С. 38.

¹⁰ История романтизма в русской литературе 1825—1840 гг. М., 1979.

¹¹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М., 1950. С. 269.

¹² Соколов В. В. Человек, общество, государственность и культура у западноевропейских теоретиков естественного права XVII в. // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 272—273. Мировский Б. В. Английские моралисты XVIII в. о «природе человека» (А. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Б. Мандевиль) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. с. 288.

с разрабатываемой немецкой и русской философией концепцией духовной личности. Герои Лермонтова — Измаил-Бей, Хаджи-Абрек, Селим-Зара, безымянный герой стихотворения «Прощание» — люди горячего сердца, истового темперамента, страстно защищающие свое человеческое достоинство, свободу своей родины. Их дела и поступки воплощают идеал гражданина, утверждают этику общественного долга, идею священных народных прав. Раздвоенности «я» центрического сознания поэзия Лермонтова противопоставила цельность человека, философию героического подвига, самоотверженность и благородство; лжи и лицемерию — прямоту и честность. Измаил-Бей и Хаджи-Абрек, Селим и Акбулат, гордый и мятежный Мцыри — не просто одинокие герои, а люди возвышенного духа, героические, пламенно любящие свой родной край. Драматизм самокритического погружения в себя, императив служения долгу, общественным интересам и целям, определяющие линию поведения лермонтовского героя при всех, даже трагических, обстоятельствах его существования, формируют в нем качества вдохновляемого передовыми гражданскими идеалами деятельного индивида.

Советские литературоведы накопили, начиная с известной работы В. М. Жирмунского «Пушкин и Байрон» (1924), значительный литературный и фольклорно-этнографический материал, свидетельствующий о том, какой живой интерес проявляли русские романтики 1820—1830-х годов к образу жизни и социальному быту народов различных краев и областей России. Исключительно богатый и разнообразный историко-этнографический материал, рассматривающий природу и человека в их взаимной связи, образ жизни человека и его психологию в их взаимодействии, открывал перспективу диалектического постижения природного, исторического и интеллектуального мира многонациональной России. Идеологи рационалистического социализма видели в природном человеке лишь социально инертную личность, пассивный объект истории. Нечего и говорить, как далеко ушли Пушкин и Лермонтов от подобных воззрений! Естественный человек в произведениях русских романтиков — это волевая, героическая, общественно активная личность, субъект истории, чьи человеческие качества связаны с коллективистскими отношениями в обществе. История России подтвердила оптимистический прогноз русских романтиков о путях приобщения народов Востока к достижениям мировой культуры, о духовном обогащении самой русской культуры, в частности литературы, в процессе взаимодействия с народами Востока.

Поэмы Рылеева «Наливайко», «Палей», «Гайдамаки», посвященные народно-освободительной борьбе украинского и белорусского народов XVI—XVII вв., «ливонские» повести А. Бестужева, рассказывающие о временах хозяйствования немецких баронов в Прибалтике, повествующие о трагических столкновениях патриархальных народов Севера с современной хищной цивилизацией произведения Е. Баратынского, Ф. Глинки, острые нравственно-политические конфликты юга страны резко обозначили общественные конфликты, исторические сдвиги в различных общественных кругах страны и связанные с ними процессы рождения новой личности. Социальная философия русских и европейских просветителей искала и находила в литературе свой художественный эквивалент, обретала плоть и кровь живых человеческих характеров. Так возникло

обобщенное представление о вольном и героическом Кавказе. Символика этого революционно-утопического образа русской литературы поднимала на новую идеиную высоту устремления, мечты и порывы ранней русской революции, вносила деятельные акценты в созерцательный социализм (Морелли, Мабли). Впервые на это указал В. Г. Белинский, писавший, что «с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною страною не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страною кицучей жизни и смелых мечтаний!»¹³.

Образ герического Кавказа высвечивал деятельные начала народной жизни, отражал освободительное движение горцев-крестьян. В романтических поэмах Пушкина, Лермонтова, поэтов-декабристов, унаследовавших от XVIII в. интеллектуализм, свободолюбие, пафос построения человеком своей судьбы как характерную черту национальной идеологии, сливались социальные идеалы эпохи Просвещения («общее благо») с философскими обобщениями XIX в., признанием незаменимой ценности деятельного индивида. Вольный Кавказ как идеино-художественная конструкция выражал утопический идеал раннего русского социализма, прошедшего тернистый путь от социалистических воззрений декабристов (М. А. Фонвизин «О коммунизме и социализме», 1849; «Обозрение проявлений политической жизни в России», 1859; Лейпциг) к социализму Герцена и Огарева.

Произведения русских писателей, созданные на сюжеты из жизни народов Великороссии, Украины, Кавказа, Поволжья, Урала и Сибири, вливались нарастающим потоком в русскую литературу, намечая переход от теоретических абстракций просветителей (теория общественного договора) к объективным реальностям истории. Неповторимый и разнообразный историко-культурный материал краев и областей многогранной России, сопоставляя исторический опыт буржуазной Европы и феодального Востока, позволял уяснить тот факт, что русская литература действует в живом и необычайно динамичном сообществе взаимно дополняющих друг друга культур.

Важной проблемой русской общественной мысли, требовавшей своего теоретического обоснования, была философия истории. Вехой на этом пути был историзм Радищева. В теорию прогресса, созданную Вольтером и Ж. А. Кондорсе¹⁴, дополненную концепцией истории государств, цивилизаций и культур Гердера¹⁵, Радищев ввел новый элемент — идею народной революции. Стержнем радищевской философии истории стал народ — носитель социальных идеалов.

Труд Карамзина «История государства Российского» (1804—1826) обогащал русское историческое сознание идеей непрерывного много векового развития русского народа¹⁶. Народ у Карамзина — орудие

¹³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 373.

¹⁴ См.: Державин К. Н. Вольтер. М., 1946; Марксистско-ленинская теория исторического прогресса. М., 1983. С. 248—249.

¹⁵ Жирмунский В. Жизнь и творчество Гердера. // Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972.

¹⁶ Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 60—65. См. также: Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 169—195.

карающей воли господа бога¹⁷. Философия истории Карамзина сохраняла элементы провиденциализма и еще не порвала с теологическим пониманием истории. Когда Карамзин, толкуя о русском мятеже, ссылался на божью волю, он, по существу, ставил вопрос о причинности в истории, однако объяснял ее в духе христианской философии. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» оспаривала монархическую концепцию автора «Истории государства Российского». Поэт целиком отверг апологетику самодержавия, в народном восстании он увидел действие масс, а в его молчании — гневный и грозный протест, закономерность русской истории. Это овеяло его философию истории величавым духом народной борьбы и народной мысли. Радищевскую идею деятельного народа, распоряжающегося судьбами государства, Пушкин интерпретировал с шекспировским размахом. Народная революция предстала у Пушкина как один из главных концептов философии истории.

Философия многопланового социального прогресса нашла свое высшее выражение в поэме «Медный всадник». Пушкин, а вслед за ним и Гоголь («Шинель»), создавая образы бедного чиновника выдвигают новый критерий общественного прогресса — участь рядового человека.

В повестях «Дубровский» и «Капитанская дочка» Пушкин поставил историко-философские проблемы народной крестьянской революции. Наряду с мыслью о слепой и беспощадной стихии народного протesta, не освещенного сознательными идеалами, эти произведения несут в себе глубокую новаторскую идею созидаательных начал крестьянской революции (образы Пугачева и его окружения, вождей и руководителей крестьянского восстания). В пушкинской философии истории важное место заняли «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина», объединившие в единую картину движения мира историю Европы и буржуазно-помещичьей России.

Целостный образ современной поэту эпохи воссоздавал роман «Евгений Онегин». Данная в романе нравственно-политическая оценка многих сторон экономической и духовной жизни русского общества вводила общественную мысль народов России в атмосферу острых идейных споров о перспективах развития страны, о культурной роли дворянства и объединении революционных сил. Обращение Пушкина к крестьянской войне Пугачева и к эпохе движения декабристов делало достоянием общественной мысли многонациональной страны социально-исторический опыт русского народа.

Гоголевское погружение в стихию крестьянской жизни ориентировало национальных писателей на постижение народных характеров¹⁸. Связанные с утопически-социалистической традицией русской художественной мысли XVIII—начала XIX в., «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя выдвинули вольную крестьянскую общину в качестве альтернативы крепостной России. Великий писатель показывал скрытую нравственную силу не знавшей до XVIII в. крепостного права украинской деревни, исследовал ее богатые духовные возможности.

Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» (1850—

¹⁷ Проблемы историзма в русской литературе. Л., 1981. С. 64.

¹⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 227.

1851) поставил обращение Гоголя к жизни украинского народа в прямую связь с демократическими убеждениями писателя. Общественное сознание народов России извлекало из песенно-эпической героической украинской старины нравственные и этические ценности, вдохновлявшие передовые круги общества и массы на борьбу с крепостничеством и самодержавием: «Независимость свою, дикую и воинственную, но республиканскую и демократическую, Украина отстаивала на протяжении веков, вплоть до Петра I. (...) Добровольно присоединившись к Великороссии, Малороссия выговорила себе значительные права»¹⁹.

Украина в большей мере, чем Центральная Россия, сохранила дух независимости. Одно столетие крепостного права «не могло уничтожить все, что было независимого и поэтического в этом славном народе»²⁰. Живая, веселая, народная Украина — это, по мысли Герцена, идеально-художественная конструкция, эстетическое претворение философских исканий русских утопистов-революционеров. Как народно-утопический идеал российского Просвещения, как идеологический атрибут русской революционной мысли на раннем этапе ее развития образ Украины стал равновеликим образу «Кавказа» Пушкина и Лермонтова!

Социальная философия Гоголя, бес同情ный реализм его творчества, охарактеризованный Герценом как «страшная исповедь современной России», поправили художественную мысль народов России в русле исследования жизни трудового крестьянства и глубин деревенской жизни, ее идеи и образы придали мощное ускорение процессам перехода от морально-просветительского обличительства в национальных литературах к отрицанию феодально-буржуазного общества. Историческое самосознание народов России, в особенности восточнославянских народов, в том числе и повесть Гоголя «Тарас Бульба», активно противостояли религиозно-мистическому пониманию истории немецких романтиков (Шеллинг), открывая перспективу поиска целостного смысла истории, ее единой субстанции. От исторических поэм Рылеева «Наливайко», «Палей», «Гайдамаки» преемственные нити тянулись к Гоголю, постигавшему опыт народных движений с позиций эпохи 40-х годов XIX в. Бессмертный образ народного вождя Тараса — это гимн, пропетый автором «Мертвых душ» героической, общественно активной, волевой личности, гимн действиям масс, их самоотверженному служению родине, в котором, однако, уже ощущается отступление от четкой социально-гражданской позиции 20-х годов в сторону абстрактно понятого национально-героического идеала. Философия истории первого этапа освободительного движения в России, явленная нам в произведениях Пушкина и Гоголя, дополняла французскую романтическую историографию (Тьери, Гизо, Минье)²¹, обогащала немецкую философию истории опытом грандиозных крестьянских движений России, Украины, убеждала в том, что человек — активно действующий субъект истории; она ориентировала философско-историческую мысль эпохи на изучение созидательной деятельности народных масс.

¹⁹ Там же. С. 228.

²⁰ Там же. С. 228—229.

²¹ Рейзov B. Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.

В духовном взаимодействии народов многонациональной России важную миссию выполняла украинская литература, освоившая достижения общественно-политической мысли и философии российского Проповедования.

В поэзии Т. Г. Шевченко синтез народного свободомыслия и передовой философской теории получил новые качества. Поэзия Т. Шевченко как бы проявляет общечеловеческое содержание социальных идеалов народных масс. Так, неповторимый по силе трагедийного звучания образ страдающей женщины-крестьянки, чья драма раскрывалась поэтом с четких социально-исторических позиций как типичная для феодально-помещичьей России (поэма «Катерина»), заключал в себе новую трактовку радищевской идеи справедливого возмездия. Ранние романтические поэмы Шевченко «Никита Гайдай», «К Основьяненко», «Гайдамаки» (1839—1841), «Гамалия» (1842) развивали декабристские традиции обращения к много вековой борьбе украинского народа за свое социальное и национальное раскрепощение (К. Рылеев, Ф. Глинка). Эти поэмы захватывали пафосом героического служения народу и родине, глубокой верой в созидательные возможности народной революции. Поэзия Шевченко помогала общественной мысли многонациональной России уяснить, что самодержавие, православие составляют силу, глубоко враждебную народу. Революционное свободомыслие демократических низов украинского общества, обогащенное общественно-историческим опытом русского народа, перерастало в поэзии Шевченко в философию утопического социализма.

Этапным явлением в идейно-культурной жизни всей России, оказавшим заметное влияние на социальное, политическое сознание народов страны, стала поэма «Кавказ» (1845), выделяющаяся открытым революционно-публицистическим пафосом.

Восприняв идеино-художественные традиции Пушкина и Лермонтова в изображении действительности Кавказа, исторически точно и тонко интерпретированные Белинским, Шевченко углубил философское содержание этого образа русской литературы. Видение засеянных горем и залитых кровью величавых гор, проходящее лейтмотивом всей поэмы, выражает чувство скорби поэта о лучших сынах России, Украины, сражавшихся на Кавказе, о тяжкой доле горцев-крестьян, вынужденных отстаивать свою независимость.

Сознание общности интересов русского, украинского и кавказских народов подсказало Шевченко новые аспекты в истолковании темы. Фигура Прометея, благословляющего на борьбу горцев против самодержавия, приводя на память трактовки того или иного мифологического персонажа в произведениях Байрона, Шелли, поднимала шевченковский образ истекающего кровью сражающегося Кавказа на уровень художественно-философских символов мировой революционной поэзии. Без прикрас изображена у Шевченко кавказская война и колониальная политика царизма. Уничтожающая характеристика этой политики, данная в поэме, усиливала звучание мотивов дегероизации и обличения кавказской войны как концентрированного выражения феодально-абсолютистской политики крепостнического государства, близких произведениям Лермонтова, Полежаева, А. Бестужева.

Гуманистическую традицию осуждения феодально-абсолютистских

методов управления «окраинами» империи, созданную идеологами русского Просвещения начала XIX в., Шевченко поднял на высоту всестороннего, бескомпромиссного разоблачения самодержавно-крепостнической России: «А тюрем сколько! А солдат! От молдованина до финна на всех языках все молчат: Все благоденствуют».

Поэт обличал политico-экономические, нравственно-религиозные и этические принципы военно-полицейского государства.

Раздумья Пушкина, Гоголя и Шевченко о губительном влиянии крепостничества на деревню, их размышления о нравственно-политическом, духовном феномене русского и украинского села, продолженные и углубленные впоследствии философской мыслью Герцена и Огарева в учении о русском социализме, послужили истоком великого эпоса — рассказа о жизни русского мужика и бедах разоряемой капитализмом российской деревни. Они формировали традицию очерков и рассказов Марко Вовчка, В. А. Слепцова, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского, Ф. М. Решетникова, художника-социолога, философа, историка крестьянской жизни Г. Успенского. Созданные классиками русской и украинской литературы образы «мужиков», убеждали в том, что крестьянство таило в себе огромные революционные возможности. Обращение к морально-этическим ценностям докапиталистической крестьянской общины, к образу вольной Украины у Гоголя и Шевченко, к жизни и быту кавказских народов постепенно перерастало в русской, украинской и грузинской классике в художественную традицию глубинного раскрытия хозяйственной деятельности, общественного уклада трудового крестьянства. Все это необыкновенное богатство идей, наблюдений послужило почвой, на которой развивался процесс духовного взаимопонимания народов России во второй половине XIX в.

Вырабатывая новые представления о ходе и движущих силах исторического процесса, Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Шевченко показали, что выражаемый каждой эпохой идеал социально активного, деятельного человека требует борьбы за свое осуществление, в ходе которой формируется новый тип общественного деятеля. В статье Герцена «О развитии революционных идей в России» зафиксирован этот факт, в ней раскрыто общественное значение поэзии Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, подвига декабристов с точки зрения совершенного ими переворота в социальном сознании всей России²².

Передовые политico-гражданские идеалы XVIII—первой половины XIX в. народы европейской России и Закавказья воспринимали через посредство реалистических образов Пушкина, Гоголя, Шевченко, Герцена («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»).

Для народов многонациональной России русская классика стала не просто связующим звеном между общественным сознанием и естественнонаучным мировоззрением. Идеи и образы реализма Пушкина и Гоголя, их описания русской природы, сложных связей человека с окружающей средой помогали общественной мысли народов России строить новую общефилософскую картину мира. Поэзия действительности, утверждаемая русской литературой, проникнутая духом творческих

²² Герцен А. И. Указ. соч. Т. 7. С. 214—215.

исканий и эпохальных открытий классической науки, разрушала укоренившиеся за многие столетия в мышлении и психологии российских народов созерцательные представления о реальности. «Натурфилософия» русской классики укрепляла в философской мысли народов России принципиально новую материалистическую мировоззренческую ориентацию, способствовала овладению логическими посылками детерминизма, элементами научно-исследовательского подхода к явлениям природы и жизни. Реализм русских писателей знакомил широкие круги демократической России с великим многообразием реального мира, ускорял в литературах других народов страны формирование принципов изображения как внешней (социальные условия), так и внутренней (психической) жизни человека.

Признаки такого ускорения четко выявляются в истории молдавской литературы, осваивавшей в XVIII—первой половине XIX в. опыт российского и западноевропейского Просвещения. Динамика общефилософского, мировоззренческого сдвига отчетливо видна в литературах Закавказья, особенно в истории грузинского, армянского, азербайджанского просветительства. Поэзия С. С. Орбелиани, Д. Гурамишвили, Саят-Новы, М. Ш. Вазеха, обличая нравственные пороки общества, пропагандировала идеал общественно полезной деятельности человека. Отдельные обращения грузинских просветителей и романтиков к сочинениям французских энциклопедистов (особенно успешной была переводческая деятельность А. Чавчавадзе) и, позднее, азербайджанских — к идеям Ш. Монтескье свидетельствуют о высоком уровне развития общественной мысли Закавказья. Философия грузинского романтизма близка основным тенденциям русского и европейского романтизма тех десятилетий.

Тема судеб грузинского народа предстает в поэзии Н. Бараташвили в плане философском. Мучительная борьба человеческого духа, устремленного к вечному обновлению жизни, требующая жертв и напряжения всех духовных сил, является в поэзии Н. Бараташвили предварением грядущих перемен («Мерани», «Сумерки на Мтацминде» и др.).

Таким образом, восхождение к новому художественному и философскому сознанию связано в культурно-исторических регионах европейской части страны с освоением идейных достижений российского Просвещения и русской классики первой половины XIX в. Воспитание нового социального мировоззрения народов России и новой гражданской личности осуществляется в творческом общении с русской литературой, прежде всего во взаимодействии с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, Герцена и Белинского; в поэтическом сознании народов формируются идеино-теоретические принципы реализма.

Историческая заслуга русской классической литературы первой половины XIX в., и прежде всего поэзии Пушкина, состояла в том, что она заложила духовные, нравственно-политические предпосылки сближения народов страны. Пушкинский идеал человеческой личности нового типа, ломающий каноны созерцательного отношения к действительности, — действенный и могучий фактор духовно идеологического процесса России и Европы XIX—XX вв. Прообразом этой революционно настроенной личности и одновременно ее самым убедительным воплощением были Пушкин, Грибоедов, вожди и идеологи декабристского движе-

ния, Лермонтов, Гоголь, Белинский, в национальных литературах: украинской — Т. Шевченко, грузинской — А. Чавчавадзе, азербайджанской — М. Ахундов, армянской — Х. Абоян и другие деятели. Все это, вместе взятое, открыло народам России возможность в относительно короткие исторические сроки овладеть общественным опытом революционной Европы и пробуждающегося Востока, всего человечества.

Завершая свой обзор революционного развития России, Герцен подчеркивал, что Россия приняла идеиную эстафету европейских революций конца XVIII—середины XIX в. и влилась в общий поток мирового революционного движения. Русская литература соединила народное свободомыслие с передовой теорией. «С другой стороны, — писал Герцен, — надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают их союз в будущем. Национальный элемент, привносимый Россией, — это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям»²³. В эпоху крушения феодально-крепостнического строя и утверждения капиталистической формации духовно-идеологический процесс в России обрел совершенно новые качества: лидирующая роль все более переходила от буржуазии к нарождающемуся пролетариату.

Связи между литературами прерывают барьеры отчуждения и недоверия народов, обособленность, изолированность, застойность, делают духовную культуру передовых наций достоянием остальных народов России. Идеи Чернышевского, Некрасова, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина были последовательным развитием принципов, выдвинутых Пушкиным, Гоголем, Белинским и Герценом.

Политическая программа и революционная деятельность Н. Г. Чернышевского по подготовке крестьянской, народной революции, созданные им образы новых людей — общественных деятелей нового типа, революционеров-практиков (Рахметов, Вера Павловна) формировали мировоззрение передовой интеллигенции всех народов России.

Идеалы, вдохновлявшие Т. Шевченко, Ив. Франко, Л. Украинку, грузинских шестидесятников (тергдалеули) — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, в Армении — М. Налбандяна, в Азербайджане — М. Ф. Ахундова, в Казахстане — Ч. Велиханова, в Урало-Поволжье — И. Куратова и других корифеев национальной культуры, помогали сосредоточить внимание народов на поисках выхода из темноты и бесправия. Идеологи и вожди общероссийской революционной демократии поднимали национальную поэтическую мысль на новую идеиную высоту — над идеализацией народных нравов и обычаев, над бытописательством. Они обращали ее к общей исторической ситуации крушения социальных и нравственных устоев буржуазно-капиталистической цивилизации, побуждали народы к борьбе за осуществление национальных чаяний.

Особое место в духовно-идеологическом процессе многонациональной России принадлежит Л. Толстому. Произведения Л. Толстого-художника всколыхнули общественную мысль народов России, направили ее на поиски решения жизненно важных проблем. Он продолжил великие традиции российского Просвещения XVIII—XIX вв. Толстовская филосо-

²³ Там же. Т. 7. С. 255.

фия народной жизни. внутренне близкая философии революционного демократизма, углубляла философию Радищева и Пушкина.

Художественные открытия Толстого, Достоевского, Чехова выдвинули русскую литературу на передовые рубежи идейного прогресса. В России, ставшей центром мирового революционного движения принципиально нового типа, сложилась общность прогрессивно-демократических литератур, сформировался многонациональный идейно-культурный процесс конца XIX—начала XX в. Его интеллектуальным ядром на новом (пролетарском) этапе освободительного движения стало творчество Горького, сыгравшее выдающуюся роль в собирании духовных сил России. Образы молодого Горького — образы Сокола («Песня о Соколе»), Данко («Старуха Изергиль»), Буревестника («Песня о Буревестнике») — воспевали людей сильной воли и страстного стремления к свободе, бесстрашных, отважных, людей подвига во имя торжества идеалов добра и социальной справедливости. Жизнь великой страны была увидена глазами нового героя русской литературы — сознательного пролетария. Суровая правда о невыносимой жизни русского народа и всех угнетенных наций в условиях капитализма выражала гуманистические идеалы освободительного движения русского рабочего класса, объединяла трудовые слои города и деревни, революционного пролетариата, крестьянства и освободительное движение окраин в могучий и единый революционный поток.

Русская революция как революция нового типа внедряла в мировой исторический процесс новый тип общественно активной личности и новый тип духовного сознания. Носителями новой философии человека, действующего во имя победы идеалов социальной справедливости, были герои романа «Мать».

На грани двух веков русская литература, внедрявшая идеи социализма в сознание широких народных масс европейской России и российского Востока, оказалась единственной силой, способной объединить и повести за собой писателей многонациональной России.

Опыт творческого и гражданского общения русских писателей с писателями других народов страны имеет подлинно всемирно-историческое значение. Его перспективный смысл раскрылся в наши дни.

17 августа 1934 г. Максим Горький открыл Первый съезд советских писателей. «Значение его, — сказал в своем выступлении М. Горький, — в том, что разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира»²⁴.

Советская литература — новаторское явление в духовной жизни человечества, чье могучее воздействие на нравственную культуру всего мира сегодня ощущается во всех уголках нашей планеты.

В свете новых идей и подходов, сформулированных КПСС, важно умело использовать и огромный научный потенциал советского литературоведения путем организации фундаментальных исследований о взаимодействии русской классики с литературами народов СССР.

²⁴ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 1.